

ВЛАДИМИР ПРЯГИН

УСПЕТЬ
КО ВТОРОЙ
ЛУНЕ

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П85

Редактор серии *Анастасия Осминина*
Оформление серии *Янины Клыга*

Прягин, Владимир.
П85 Успеть ко второй луне / Владимир Прягин. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-199523-2

В городе, над которым светятся две луны, пропал художник вместе с картиной, которую никто не видел. Стэн Логвин, талантливый фотограф и частный сыщик, соглашается взяться за дело, и выясняет, что таинственных исчезновений было гораздо больше. Ему предстоит погрузиться в мир искусства, столкнуться с гангстерами, а в дневнике пропавшего больше загадок, чем подсказок.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199523-2

© Прягин В., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

1

Вестника он увидел, когда возвращался к себе в контору.

Был уже поздний вечер. У всех нормальных людей рабочее время давно закончилось — офисные лампы погасли, клерки разъехались по домам. Рассосались заторы на перекрёстках. Эстакада монорельса, нависшая над кварталом, перестала ежеминутно лязгать под тяжестью поездов. Даже осенний дождь, который сеялся на город с утра, выдохся и затих, затерялся в ливневых стоках. Тучи раздвинулись, и в просвете блеснул диск Падчерицы, надтреснутый и грязновато-жёлтый, как немытое блюдце из дрянного сервиза.

Но у Стэна трудовой день был, что называется, ненормированный, а график — гибкий до отвращения. Сегодня пришлось мотаться по городу с рассвета и допоздна. Результат, впрочем, того стоил — несколько свежееотпечатанных снимков во внутреннем кармане плаща. Клиент обещал доплатить за срочность по двойному тарифу.

Неоновые буквы, мерцающие над входом в бар «Вислоухий пёс», отражались в луже. Стэн обошёл её, подавив соблазн заскочить в заветную дверь. Свернул в проулок, миновал мусорные баки, вонявшие тухлой рыбой и овощным гнильём. Что-то поскрипывало над головой, на пожарной лестнице — то ли бродили кошки, то ли готовились отвалиться крепления, разъеденные коррозией.

Выход из проулка был уже рядом. Потом направо — и всего через полсотни шагов будет нужный подъезд.

Но, как выяснилось, он рано расслабился.

Воздух между стен колыхнулся. Точнее, не столько воздух, сколько фонарный свет, который вливался в проулок с улицы. Подсвеченная пустота над асфальтом, казалось, обрела плотность, набухла, вытягивая силу из фонаря. А через мгновение лопнула, как перезревший плод.

Из вертикальной прорехи, возникшей в воздухе, скользнули тени, сплелись в человеческую фигуру. Деталей, правда, нельзя было рассмотреть, только силуэт — тёмный, но с прожилками-швами, которые блестели, словно металл, скрепляя воедино лоскуты мрака.

Вестник Теней.

Так его называли в досужих байках, которым Стэн прежде не особенно верил. Да и сейчас охотно списал бы всё на галлюцинацию, на собственный пьяный бред. Но в бар-то он, как назло, сегодня не заглянул и был трезв как стёклышко.

Очень медленно, стараясь не делать резких движений, Стэн отодвинул полу плаща и нащупал рукоять пистолета.

Вестник никак не отреагировал, даже не шелохнулся. Просто стоял и смотрел на Стэна. Тот ощущал на себе давящий, изучающий взгляд — сам же, как ни старался, не мог рассмотреть глаза существа, сплетённого из теней.

Так продолжалось секунд пятнадцать.

Потом Вестник развернулся.

Швы потускнели разом, перестали стягивать мрак, и силуэт распался на отдельные тени-хлопья, которые втянулись в ту же прореху, откуда появились до этого. Прореха схлопнулась — а через мгновение, жалобно звякнув, погас фонарь. Не выдержал, видимо, издевательств над законами физики.

Стэн вспомнил, что умеет дышать. Почувствовал, как струйка пота стекает за воротник. А в голове, словно

канарейка при виде кошки, трепыхалась единственная внятная мысль — как всё это понимать?

Он не увлекался фольклорной мистикой. Гораздо больше его интересовали сплетни о людях и прочие приземлённые вещи, диктуемые профессией. Всё, что он слышал прежде о Вестнике, было почерпнуто из бесед с завсегдатаями «Вислоухого пса». А их слова, по понятным причинам, вряд ли могли считаться истиной в последней инстанции.

Но в их рассказах всё-таки был общий знаменатель. И состоял он в том, что Вестника видят те, кому предстоит вскоре совершить нечто из ряда вон выходящее, причём скорее всего — пугающее.

Болтали даже, что именно после встречи с Вестником один неприметный клерк неделю назад проник среди ночи в мэрию и задействовал там Маховик Распада. Чего он этим хотел добиться, так и осталось тайной. Мэр и шеф полиции, впрочем, с пеной у рта доказывали, что всё дело в маниакально-лунном психозе у злоумышленника. В качестве сопутствующего фактора они называли передозировку «волчьей крупы», а Вестника не упоминали вообще. Клерка законопатили куда-то в психушку, мэрия же пока пустовала — никто не решался туда соваться, даже пожарные.

Стэн тоскливо вздохнул и двинулся дальше.

Семиэтажный дом, в котором небогатые офисы соседствовали с жилыми апартаментами, стоял на углу квартала. Стэн шагнул в холл, снял шляпу, отряхнул с неё капли влаги. Консьержки за стойкой не было, валялась только развёрнутая газета, криминальная фотохроника. На снимке был чей-то труп, снятый крупным планом. Неестественно белело лицо, освещённое фотовспышкой, темнели кровоподтёки и ссадины.

Лифт с обречённым скрипом дотащил Стэна до последнего этажа. В коридоре помаргивала газоразрядная

лампа. Латунные номера на деревянных дверях давно утратили блеск, а кое-где и вовсе отсутствовали. Вместо них были цифры, накорябанные химическим синим карандашом.

У двери с матовым стеклом в торце коридора сидела девушка.

За неимением стульев она устроилась на полу. Спину опёрлась о стенку и, обхватив руками колени, неподвижно смотрела перед собой. Одежда её выглядела скромно, если не сказать бедно. Плащ мышинного цвета, старый и обветшалый, потёртые сапоги. Никакой косметики на лице, даже не подкрашены губы. Непримечательные черты и тусклые волосы, стянутые в хвост на затылке.

Она совершенно ушла в себя — и встрепенулась, лишь когда Стэн приблизился. Поспешно встала и спросила с надеждой:

— Вы мистер Логвин?

— Да, мисс. А вы давно здесь?

— Нет, не очень... Ну, то есть да... Пришла ещё днём... Постучала — дверь заперта, но я решила дожидаться...

— Вам повезло. У меня через четверть часа неурочная встреча с одним нетерпеливым клиентом, поэтому я сегодня вернулся. Иначе вам пришлось бы ждать до утра.

Он отпер дверь с надписью полукругом: «Стэн Логвин. Услуги частного детектива». Сделал приглашающий жест:

— Прошу.

Она нерешительно переступила порог. Стэн нашарил на стене выключатель. Под потолком засветилась лампочка, прикрытая мутноватым белым плафоном. Ночь отодвинулась за окно.

— Садитесь, мисс. Вам что-нибудь налить?

— Воды, если можно...

Он взял стакан, плеснул в него из графина. Она сделала глоток. В тишине было отчётливо слышно, как зубы лягнули о стекло. Её сотрясла короткая дрожь: не то от нервного напряжения, не то от промозглого сквозняка, который хозяйничал по всему этажу.

Стэн уже собирался предложить ей что-нибудь покрепче, с полным набором согревающих градусов, но присмотрелся и передумал. Слишком уж юной она была. Даже школу ещё, наверное, не окончила.

Сняв плащ, Стэн повесил его на вешалку у двери. Сел за стол и поинтересовался:

— Как вас зовут, мисс? Чем я могу помочь?

— Эмили, мистер Логвин... Эмили Белл... И я должна найти брата! Потому что он пропал, а полиция ничего не желает делать! А ваше объявление я увидела в «Подлунном курьере», моя тётя его выписывает... Там и другие объявления были, красивые и большие, но в тех конторах наверняка очень дорого... Вы не подумайте только, что я пожалела денег! Я всё отдам, если надо, но...

— Тише-тише, не нужно так волноваться. Расскажите, пожалуйста, по порядку. Когда пропал брат? Его имя, возраст? Что конкретно вам сказали в полиции?

— Его зовут Эрик, он на четыре года старше меня...

— А вам, простите, сколько сейчас?

— В октябре исполнилось восемнадцать...

Стэн посмотрел на неё с сомнением, но от комментариев воздержался. Она тем временем продолжала:

— Я поехала его навестить, он снимает квартиру на Совином Холме... Но оказалось, что его уже две недели не было дома! Это мне его сосед рассказал, Жан-Люк... Мы, правда, толком поговорить не смогли, у них там... Ну, в общем, гости были — натурщицы, как Жан-Люк объяснил...

— Натурщицы?

— Да, мой брат ведь художник — очень талантливый, между прочим! Его даже на выставки приглашали... Характер, конечно, у него сложный, но это же всегда так, если человек творческий, разве нет? Тётя его, правда, ругает, говорит, что он слишком непостоянный, ветреный... Ну, в чём-то она права, он может вдруг вспылить, всё бросить и убежать куда-то... И я иногда на него обижаюсь, но потом мы миримся всё равно...

— Позвольте уточнить, мисс. Что значит — убежать?

— Ну, знаете, он не может долго сидеть на месте... То по городу бродит, то вдруг возьмёт и уедет на побережье — вот просто так... А потом объясняет, что хотел «напитаться морским рассветом»...

Стэн устало вздохнул:

— Прошу вас, не обижайтесь, но взглянем на ситуацию беспристрастно. Ваш брат — взрослый человек, который живёт отдельно и ведёт, скажем так, богемную жизнь. Иногда он спонтанно уезжает из города. Учитывая всё это, разве не логично будет предположить, что он и сейчас уехал... гм... в творческую командировку?

— Я ведь вам объясняю! Сейчас всё совсем не так! И полицейским я то же самое говорила, но они отмахнулись! Поймите же, мистер Логвин, я не какая-то истеричная дура! Я знаю своего брата! Во-первых, если бы он уехал надолго, то позвонил бы мне, пусть не сразу, но обязательно! По междугородней линии, хоть и дорого! Дня через три-четыре, ну или через неделю максимум... Потому что скучал бы! Он всегда говорит, что очень любит мой голос, называет «золотым колокольчиком»... Но дело даже не в этом!

Она умолкла и, схватив свою сумку, дёрнула застёжку-молнию. Та подалась не сразу, будто хотела поиздеваться, но Эмили всё же справилась и вытащила из сум-

ки тетрадь — потрёпанную и толстую, в красно-буром клеёнчатом переплёте.

— Вот! — сказала девчонка. — Проверьте сами. Это улика!

Бросив тетрадь на стол, она требовательно взглянула на Стэна. Он взял «улику», полистал и констатировал с осторожным недоумением:

— Записей нет, страницы пусты. Как это нам может?

— Вот именно — пусты! Об этом и речь! А раньше были исписаны! Понимаете? Мой брат вёл дневник. Записывал, что случалось, иногда вставлял комментарии — немножко небрежные, но всё равно интересные! О жизни, об искусстве, о людях! Потом зачитывал мне отрывки... Но главное, что эту тетрадь он всегда держал при себе! Говорил то ли в шутку, то ли всерьёз — когда прославлюсь, мол, использую как основу для мемуаров... Каждый день что-нибудь дописывал, хотя бы несколько слов... А теперь она валяется в комнате уже целых две недели!

— Уехал и забыл взять?

— Он бы скорее всё остальное забыл, но только не её! А записи куда делись? И, пожалуйста, не говорите про симпатические чернила какие-нибудь! Чернила там обыкновенные были, я видела сто раз! Не могли они просто так исчезнуть! Брата похитили, а тетрадь зачем-то заколдовали! А вам просто всё равно!

Выпалив это, она смутилась и замолчала. Съёжилась и испуганно взглянула на Стэна, будто ожидая, что он немедленно выкинет её из конторы — за наглость и непочтительность к старшим. Но он лишь терпеливо сказал:

— Послушайте, мисс Белл. Я не спорю, что бывают вещи, которые нельзя объяснить разумно. Сам сегодня видел такое, что... Вот только к моей работе это отно-

шения не имеет. Тут все странности получают скучное и банальное объяснение. Кто-то кого-то обманул, обокрал или в лучшем случае недопонял. Вот что я наблюдаю снова и снова. В истории с вашим братом — ставлю ящик односолодового виски против пинты прокисшего молока, что он просто загулял с очередной натурщицей...

— Возможно, вы правы, — сказала она негромко. — Но я просто не могу сидеть сложа руки. А обратиться мне больше не к кому...

Она всхлипнула. Стэну стало понятно, что логика здесь бессильна.

— Мисс, я привык играть честно. Скорее всего, ваш брат найдётся и без моего вмешательства. То есть, наняв меня, вы потратите деньги зря. Но если вы так настаиваете...

— Да, мистер Логвин, да! Отыщите его, прошу вас!

— Я понял. Что ж, вам решать. Гонорар — две сотни.

— Вот, здесь должно хватить...

— Не спешите. Аванс я с вас не возьму. Оплата — после того, как я найду Эрика. У вас, кстати, есть его фотография?

— Да, я специально взяла!

Снова порывшись в сумочке, она вручила ему чёрно-белое фото. В камеру улыбался парень, светловолосый и худощавый. Он стоял, небрежно опершись локтем на аккуратный штакетник. Шляпу держал в руке. Пиджак был расстёгнут, а вместо галстука повязан шейный платок.

— Хорошо. Теперь дайте мне его адрес и ваш телефонный номер. Имена его друзей запишите, какие знаете. Вот бумага, держите... Невеста у него есть? Или только натурщицы? Пишите всё, что можете вспомнить. Да, и тетрадь оставьте тоже, пожалуйста.

Он убрал всё в выдвижной ящик и проводил её до двери. Она заметно повеселела и глядела теперь с такой благодарностью, что ему было стыдно. Вместо того чтобы вернуться за стол, Стэн стоял на пороге и зачем-то смотрел ей вслед. Шагая по коридору, Эмили обернулась и помахала ему рукой.

Из лифта навстречу ей вышел тип в надвинутой шляпе и направился прямо к Стэну. Не вынимая рук из карманов и не утруждая себя приветствиями, процедил:

— Итак, мистер Логвин?

— Проходите, мистер Боровски.

Новый посетитель напоминал стареющего боксёра-тяжеловеса. Он имел широкие плечи, обрюзглое бульдожье лицо и колючий взгляд. Стэн, не тратя времени даром, выложил перед ним на стол результаты своих сегодняшних походов.

— Как и договорились, мистер Боровски, я не выпускал из виду вашего делового партнёра. Он ездил по городу, я за ним. На снимках люди, с которыми он встречался. В какой-то момент он бросил свою машину и поднялся на монорельс. Мне пришлось сделать то же самое. К счастью, я успел заскочить в вагон. Там он несколько минут что-то обсуждал с одним из попутчиков. Этот момент тоже зафиксирован.

— Как вы умудрились снимать в вагоне? Он не заметил слежку?

— У меня портативный аппарат и соответствующие навыки.

С минуту клиент разглядывал фотографии. Одна из них — в гостиничном холле — заставила его прошипеть ругательство.

— Ладно, — сказал тяжеловес, помолчав. — Я узнал, что хотел. Будем считать, что вы справились, мистер Логвин. Меня, признаться, даже несколько удивляет ка-

чество снимков. Если бы я лично не знал этого ублюдка, мог бы решить, что здесь — постановочные кадры из кинофильма. Как вы этого добиваетесь?

— Это моя профессия. Ну и в каком-то смысле природный дар — выбрать подходящий момент, чтобы нажать на кнопку. Поймать один-единственный миг, тот самый. Когда-то я хотел стать настоящим фотографом, иметь своё ателье. Но, как видите, не вышло.

Посетитель вытащил портмоне, отсчитал четыре сотенные бумажки. Бросил их на столешницу и, коротко поразмыслив, сказал:

— Мой бизнес несколько специфичен. Время от времени мне требуются люди со стороны для решения нестандартных задач. Вы меня понимаете, мистер Логвин?

— Обращайтесь, мистер Боровски.

Закрыв за ним дверь, Стэн ослабил узел на галстукке и налил себе виски. Сделал пару глотков, ощутив нутром приятное жжение. Выключил свет, подошёл к окну и долго смотрел на город.

Тучи снова сомкнулись, заслонив желтушную Падчерицу. Вернулась мелкая морось, повисла между домами. Электрические глаза фонарей слезились, тускло блестел асфальт. На рекламных вывесках размыто мерцал неон.

Стэн отвернулся от окна и застыл.

Из ящичка стола, куда он сунул тетрадь, сочился багровый свет.

2

Стэн с опаской приблизился и, поколебавшись, выдвинул ящик. Да, ошибки быть не могло, тетрадная обложка люминесцировала, пусть и не очень явственно. Оттенок был неприятный. На миг почудилось даже, что переплёт пропитался кровью, но нет — это расшалилось воображение.

Сюрпризов за этот день накопилось уже сверх меры.

Взяв карандаш, Стэн ткнул им обложку, легонько и осторожно. Реакции не последовало. Тогда он, пока не включая лампу, открыл тумбочку, стоящую в углу комнаты. Нашарил там перчатку из толстой кожи, натянул её, дотронулся до тетради — и опять без последствий.

Он сел на стул и задумался.

Был соблазн просто сжечь дневник в туалете, а пепел смыть в унитаз. Но Стэн с сожалением отказался от этой мысли, представив, как после этого придётся объясняться с девчонкой. В то, что она его подставляет, ему верилось с трудом. Во-первых, нужно быть отличной актрисой, чтобы так сыграть перепуганную невинную дурочку. А во-вторых (и в-главных), к чему такие хитрые комбинации?

Не то чтобы он не имел врагов, но...

Предположим, тетрадь — это некая компрометирующая штукавина. Нелегальная и опасная. И за её хранение Стэна могут подвести под статью. Но тогда копы уже вломились бы, положили бы мордой в пол и завели бы старую песню про право хранить молчание.